Ж 8310

А. ТУН

V ФИЛИАЛ

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ

Перевод **Веры Засулич, Д. Кольцова** и др.

С воспоминаниями об А. Туне **Л. Дейча,** предисловием **Г. Плеханова,** статьей „О социальной демократии в России" **Г. Плеханова** и примечаниями **П. Лаврова.**

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ

V-271

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА • • • 1923 • • • ПЕТРОГРАД

И
отс.
8310
V ФИЛИАЛ

А. ТУН

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДВИЖЕНИЙ В РОССИИ

Перевод **Веры Засулич, Д. Кольцова** и др.

С воспоминаниями об А. Туне **Л. Дейча,** предисловием **Г. Плеханова,** статьей „О социальной демократии в России" **Г. Плеханова** и примечаниями **П. Лаврова.**

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . . 1923 . . . ПЕТРОГРАД

Дом Плеханова
96

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Предлагая читателю русский перевод книги покойного профессора А. Туна «Geschichte der revolutionären Bewegungen in Russland», мы считаем себя обязанными прежде всего поставить ему на вид, что она совсем не обладает какими-нибудь первостепенными достоинствами. В ней нет оригинальной мысли, которая могла бы осветить ярким светом историю русского революционного движения. Не отличается она и особенно искусной группировкой фактов: с помощью материала, находившегося в распоряжении Туна, более талантливый исследователь дал бы гораздо более яркую характеристику различных течений, сменявших одно другое или существовавших одно рядом с другим в нашей истории. Наконец, очень ошибся бы тот, кто вообразил бы, что Тун сам стоял на революционной точке зрения. На самом деле отношение Туна к русским революционерам напоминало собою отношение к ним наших умеренных либералов. Он был слишком умен и образован, чтобы не видеть дикой и постыдной нелепости нашего нынешнего политического порядка. Как человек, привыкший ценить блага политической свободы, он не мог относиться с одобрением к тем произвольным и жестоким мерам, которые принимало русское правительство в своей борьбе с «крамолой». В то же время он питал невольное уважение к мужеству, самоотверженности, а иногда, может быть, и к конспиративному искусству русских революционеров. Это невольное уважение весьма заметно обнаруживается во многих местах его книги, несмотря на всю ту осторожность, с которой он высказывает свои собственные взгляды, твердо памятуя, что в Германии, где он собирался жить и действовать, «наука и ее

учение свободны» . . . лишь в довольно тесных границах [1]). Но социалистические идеалы русских революционеров казались ему несбыточными, а их приемы борьбы он нередко находил преступными в полном смысле этого слова. В результате мы видим двойственность и попеременное преобладание симпатии и антипатии в его историческом повествовании. Тун был очень далек от того безусловного сочувствия к русским революционерам, которым проникнута знаменитая книга американца Кеннана. Это обстоятельство, разумеется, не осталось без влияния на характер его сочинения: от начала до конца этого сочинения видно, что автор не сжился с предметом своего исследования, что его мысль не возбуждалась, а его сердце не терзалось теми жгучими программными вопросами, над разрешением которых бились русские революционеры. Поэтому его «*история*» и не могла способствовать разрешению этих вопросов. Исследователь, который отнесся бы к нашему движению с более сильным и более цельным сочувствием, вероятно, лучше понял бы его «злобы дня» и, наверное, дал бы более увлекательный, более захватывающий очерк его истории. Но такого историка до сих пор не появлялось, и нет никакой надежды на его скорое появление. Поэтому мы решились издать книгу Туна, которая при всех своих очевидных недостатках имеет, по крайней мере, одно, не менее очевидное, достоинство: *достоинство добросовестности*. Тун прилежно собирал материалы и беспристрастно пользовался ими, не искажая доступной ему истины ради тех или других предвзятых взглядов. Это достоинство, вообще очень важное в историческом, — да и во всяком другом, — исследовании, становится особенно важным в книге Туна потому, что литературные источники, которыми он пользовался, — обвинительные акты и отчеты о политических процессах, брошюры сборники и журналы, газеты и воззвания, — отчасти были редки уже и в то время, а теперь почти целиком стали недоступны для публики. Читатель, желающий ознакомиться с развитием русской общественной мысли и увидевший себя в досадной невозможности добыть первые источники, искренно поблагодарит автора, кото-

[1]) И это же уважение побудило его оказать одну немаловажную услугу нашему товарищу Дейчу, попавшему в цепкия лапы баденской полиции.

рый, по крайней мере, прилежно и правильно излагал находившиеся у него в распоряжении исторические документы.

Но правильно изложить тот или другой исторический документ вовсе не значит устранить неправильности или недостатки, свойственные его содержанию. Если в этом содержании есть, например, *противоречия,* то автор, взявшийся за его изложение, не имеет никакого права сообщать ему *стройный вид.* Поступая так, он совершит непростительный грех против исторической истины. Имея дело с противоречивыми документами, исследователь, конечно, поступит всего лучше, если так и скажет читателю: излагаемые мною источники несогласны между сообю. Но если противоречие ускользает от взора исследователя; если он не замечает того, что один из его источников противоречит другому, то в интересах точности остается пожелать, чтобы противоречие целиком перешло в его изложение: внимательный читатель сам отметит несообразности и сам постарается объяснить их происхождение. Правда, он рискует при этом впасть в ошибку. Если он лишен возможности сличить изложение с источниками, а источники друг с другом, то он будет склонен отнести противоречие на счет самого исследователя, которого он заподозрит в умышленном или неумышленном искажении истины, что будет несправедливо. Но читателю выгоднее совершить такую несправедливость, оставляющую широкое место для *сомнения,* чем доверчиво следовать за автором, сознательно или бессознательно *поправляющим* свои источники и вносящим *последовательность* туда, где она на самом деле отсутствует.

Тун, это — именно тот исследователь, который, сам того не замечая и не мудрствуя лукаво, переносит в свое повествование все противоречия, встречающиеся в его источниках; объяснить эти противоречия во всей их совокупности мог бы только тот, кто написал бы новую историю революционной мысли в России. Само собою разумеется, что мы не задаемся такою целью в нашем предисловии. Но мы находим нужным отметить хоть те противоречия, которые относятся к важнейшим эпохам нашего движения.

Начнем с так называемых *лавристов,* т.-е. с последователей П. Л. Лаврова. В книге Туна мы узнаем о них, между прочим, вот что: «Лавристы . . . не видели в крестьянском общинном землевладении исходного пункта социального движения

в России, во-первых, потому, что это учреждение падающее, неизбежно переходящее в частное землевладение, как показывает это западно-европейская история; во-вторых, потому, что русская община есть учреждение реакционное, основы которого покоятся на привычках и взглядах находящихся в прямом противоречии с приобретениями современной науки. Благодаря своему полному подчинению в экономической, политической и нравственной области патриархальным обычаям, неразрывно связанным с общинными порядками, русский крестьянин не в состоянии усвоить себе новое социалистическое мировоззрение, развившееся на почве капиталистического производства. Приходится, поэтому, предоставить крестьян естественному ходу истории, а революционную деятельность перенести в среду промышленных рабочих, как это делают западно-европейские социалисты. На этой почве действовали лавристы в 1875 — 76 гг., не сделавши, впрочем, и здесь ничего значительного. Их теория внушала им расположение ждать, сложа руки, разложения общины. Даже, когда в 1878 году среди рабочих на петербургских фабриках начались большие стачки, лавристы заявили, что это реакционное движение и советовали отказаться от подачи царю прошения».

Этой характеристике резко противоречит изложение программы того самого журнала «Вперед!», который издавался Лавровым; по словам Туна, на деньги кружка лавристов. «В существенных вопросах, — говорит Тун, — «Вперед!» объявил себя солидарным с решениями интернациональных конгрессов, а относительно целей и организации не делает *существенных* [1]) отступлений от бакунинской программы». Но Бакунин и его последователи смотрели на крестьянскую общину именно, как на исходный пункт социального движения в России. Если программа «*Вперед!*» в самом деле не расходилась по существу с программой Бакунина, то ясно, что журнал Лаврова тоже должен был придавать общине очень большое значение. Это соображение приобретает очень большую убедительность, когда мы прочитываем следующие строки: «Социальная основа, на которой должно строиться будущее русского народа, есть общинное землевладение; это исконное и пока патриархальное учреждение должно развиваться в социали-

[1]) Курсив Туна.

стическом направлении и перейти в общинную обработку земли и равномерное распределение продуктов; в то же время община должна быть базисом политической организации». Эти строки уже совсем не позволяют сомневаться на счет отношения журнала «Вперед!», — *органа лавристов,* — к общинному землевладению; *он видит в нем исходную точку развития России в направлении к социализму.* Что же это значит? Неужели взгляд лавристов на общину был *прямо-противоположен* тому взгляду, который высказывался *их собственным органом?* Это совершенно невероятно, так как ведь никто же не обязывал их поддерживать издание, программа которого так резко расходилась со свойственным им воззрением. Но в таком случае, как объясняется это очевидное и странное противоречие? Не должны ли мы предположить, что в то время, когда лавристы приглашали своего учителя редактировать «*Вперед!*», они смотрели на русскую общину так же, как смотрел на нее сам Лавров, а также и Бакунин со своими сторонниками, впоследствии же они убедились в несостоятельности такого взгляда на нее и стали относиться к ней отрицательно? Это предположение кажется сначала самым естественным; в его защиту можно, кроме того, сослаться на тот факт, что в конце 1876 г. Лавров сложил с себя звание редактора. Не был ли вызван этот шаг именно его расхождением с кружком «лавристов» во взгляде на общину? На этот вопрос книга Туна не дает прямого ответа; но косвенно она отвечает на него в отрицательном смысле: не забудем, что, по словам нашего автора, лавристы уже в 1875—76 годах сосредоточили свои силы на деятельности в среде промышленных рабочих, будучи убеждены в том, что экономический быт нашего крестьянина совершенно не располагает его к усвоению социалистических идей. *А указанные годы были как раз годами усиленной издательской деятельности Лаврова,* который, кроме непериодического сборника «*Вперед!*», редактировал тогда еще двухнедельную газету того же названия. Ясно, стало быть, что если мы хотим верить Туну, то мы должны допустить, что лавристы оказывали наиболее энергичную поддержку своему учителю именно в то время, когда они *уже перестали разделять его взгляд на русскую общину.* А это опять приводит нас к первой гипотезе, т.-е. к тому предположению, что лавристы поддерживали и признавали своим орган, коренным образом расходившийся с ними по одному

из самых важных для России вопросов. А так как это предположение совершенно невероятно, то нам не остается ничего другого, как обратиться к критике тех двух источников, на основании которых возникло противоречивое сообщение Туна. Первым из этих источников является программа «*Вперед!*»; вторым — свидетельство П. Б. Аксельрода в цюрихском «*Jahrbuch für Socialwissenschaft*». Программа «*Вперед!*» придает русской общине огромное значение; П. Б. Аксельрод утверждает, что лавристы смотрели на нее, как на устарелую форму землевладения, окончательно осужденную историей. Тун не замечает, что его источники противоречат один другому, и без всяких оговорок воспроизводит их показания, как будто одно из них подтверждает другое. Приглядимся же к этому предмету несколько ближе и внимательнее.

Что такое была программа «*Вперед!*»? Обладала ли она хотя бы той долей стройности, которую приписывает ей наш автор? Насколько твердо и последовательно держался П. Л. Лавров того взгляда на русскую общину, который приписывается ему Туном на основании его программной статьи? Перечитайте передовые статьи газеты «*Вперед!*» и вы увидите, что их автор *противоречил сам себе,* то изображая социализм, как «исторический фазис, фатально вырабатывающийся из капиталистического строя общества», и ссылаясь на Коммунистический Манифест, который говорит, что, создавая пролетариат, буржуазия создает своего собственного могильщика [1]), то указывая, — и иногда в той же самой статье, — на «традиционные народные группы: сельские общины и артели», как на естественную основу будущего социалистического общества [2]). Если бы мы захотели подвести итог всему тому, что говорил на этот счет П. Л. Лавров, то мы, вероятно, имели бы право сказать, приблизительно, так: Лавров надеялся, что социалистическая революция предупредит развитие капитализма в России, и что, вследствие этого, исходными точками социалистического развития явятся у нас *артель и община;* но, не будучи твердо уверен в этом, он утешал себя и своих последователей тою мыслью, что «неумелость русских социалистов-революционеров подготовить и организовать революцию, обрушившись тяжелыми

---

[1]) См., например, передовые статьи №№ 27-го и 34-го.

[2]) См. передовую статью № 34-го.

страданиями на русский народ, все таки не спасет хищнической буржуазии от фатального процесса» [1]), т.-е. от социалистической революции, которая явится в этом случае неизбежным результатом *капиталистического* развития. Если эта формулировка мысли П. Л. Лаврова справедлива, — а она представляется нам наиболее справедливой изо всех возможных, — то мы должны будем придти к тому заключению, что изображение *капитализма,* как «фатальной» предпосылки *социализма,* имеет у него лишь очень условный характер, и что программа «*Вперед!*» несравненно ближе к *бакунизму и народничеству,* чем к *марксизму*. Мы потому обращаем на это внимание читателя, что товарищ Ю. Невзоров, в брошюре: «*Отказываемся ли мы от наследства?*», придал указанному изображению слишком преувеличенное и потому совершенно несоответствующее истине значение, истолковав его в том смысле, что лавризм был «первоначальным русским марксизмом» (стр. 22). Отличие русского марксизма от «русского социализма» всевозможных оттенков состоит в том убеждении, что Россия *не может* перескочить через капитализм, который уже сделался в ней господствующим способом производства. Но, именно, этого-то убеждения и не было у Лаврова до самого конца его литературной деятельности. А кроме того, товарищ Невзоров, как будто упустил из виду, что *по своим историческим взглядам* Лавров был несравненно ближе к *идеалистам,* чем к материалистам, между тем, как марксизм необходимо предполагает *материалистическое объяснение истории*. Правда, в сочинениях Лаврова иногда можно встретить решительное признание *исторического материализма,* но это признание находится в вопиющем противоречии с его историческими идеями, и самая возможность его объясняется просто на просто тем, что в своем взгляде на историю, как и во всех прочих своих взглядах, Лавров был *эклектиком до конца ногтей*. Маркс и Энгельс, хорошо знавшие по русски и читавшие «*Вперед!*», очень удивились бы, если бы им пришлось услышать, что программа «*Вперед!*» была программой русского марксизма. Это им никогда и в голову не приходило [2]).

[1]) Мы опять цитируем передовую статью № 34-го.

[2]) Приведу здесь блестящую характеристику Лаврова, сделанную Энгельсом как раз в эпоху издания «Вперед!»: «Друг Петр, — лично в высшей степени почтенный русский ученый, — в своей философии является эклектиком, который из всех различных систем и теорий старается выбрать то, что в них есть наилучшего... Он знает, что во всем есть своя дурная и своя хорошая сторона, и что хорошая сторона должна быть усвоена, а дурная удалена. А так как каждая вещь, каждая личность, каждая теория имеет эти две стороны, хорошую и дурную, то каждая вещь, каждая личность, каждая теория представляется в этом отношении приблизительно настолько же дурной и настолько же хорошей, как и всякая другая. С этой точки зрения было бы нелепо горячиться в защиту или против той или другой из них. И с этой точки зрения вся борьба и все споры революционеров и социалистов между собою должны казаться чистыми пустяками, способными радовать только врагов». (Volksstaat, 6 октября 1874 года, № 117). Прибавлю от себя, что именно такими пустяками, и, именно, по указанной Энгельсом причине, и казались П. Л. Лаврову споры между русскими революционерами различных направлений. Он никогда не мог объяснить себе, например, зачем русские социал-демократы спорили с народниками и с народовольцами.

Но на каком же основании П. Б. Аксельрод изображал действовавших в России лавристов, как людей, связавших все свои социалистические упования с развитием русского капитализма и пренебрегавших старинными «устоями» нашей экономической жизни? Имеем ли мы какое-нибудь право заподозреть верность или основательность его показания? Нет, на это мы не имеем ни малейшего права уже по одному тому, что его показание точно соответствует истине: описанные им лавристы действительно существовали. Я сам хорошо знал таких лавристов и думаю, что Аксельрод встречался с ними в 1879 — 80 годах, во время своего вторичного «нелегального» пребывания в России [1]). Но, во-первых, они были *лавристами времен упадка,* и их взгляды вовсе не характерны для лавризма, каким он был в лучшую пору своего существования, т.-е. между прочим и в 1875 — 1876 годах. А во-вторых, даже и эти *лавристы времен упадка* были очень далеки от марксизма, и потому первоначальными русскими марксистами считаться никоим образом не могут. Они утверждали, что только капитализм создаст в России почву для социализма, но единственный вывод, который они делали отсюда, был тот, что социалистам надо до поры до времени совсем сойти с русской исторической сцены. Это была не *программа действия,* а самооправдание людей,

[1]) Не следует забывать, что статья Аксельрода написана в начале восьмидесятых годов.

решившихся *бездействовать* и понимавших, что подобное решение не может быть принято революционной средой, как нечто естественное и само собою разумеющееся. Необыкновенное положение требовало и необыкновенных доводов, и эти необыкновенные доводы взяты были из арсенала марксизма. Но эти доводы мирно уживались в головах тогдашних лавристов с их старыми идеалистическими предрассудками, да к тому же и сами переживали в этих идеалистических головах довольно странные и неожиданные превращения. Как плохо поняли лавристы времен упадка теоретическое значение своей новой аргументации, показывает уже тот факт, что они считали — или делали вид, что считали — себя нравственно обязанными не вмешиваться в события во время той буржуазной революции, которая предстояла России, по их тогдашнему мнению. Маркс и Энгельс рассуждали совсем иначе накануне буржуазной революции в Германии. Но в том-то и дело, что на буржуазную революцию тогдашние лавристы продолжали смотреть глазами Бакунина и бакунистов. Она попрежнему представлялась им великим общественным злом, социально-политическим обманом, в котором социалисты отнюдь не должны участвовать. Товарищ Невзоров не откажется признать, что подобный «марксизм» очень своеобразен, если не вполне сомнителен. Если уже на кого-нибудь походили наши лавристы, то разве на тех немецких «истинных» или философских социалистов сороковых годов, о которых с таким раздражением говорит «*Манифест Коммунистической Партии*».

«Мы считаем необходимым подчеркнуть, — говорит товарищ Невзоров, — что лавризм во всяком случае популяризовал в среде русских революционеров марксистские термины; он давал им форму, двигаясь в которой их мышление легче подготовлялось к восприятию уроков жизни; он, наконец, заставлял русских социалистов интересоваться деятельностью немецкой социал-демократии, от которой их решительно отталкивал бакунинский анархизм. И в этом смысле лавризм, пытавшийся обосновать народничество на учении марксовского интернационала, не остался без влияния на подготовление русской социал-демократии» [1]).

Что лавристы гораздо более, чем бакунисты, содействовали ознакомлению русских революционеров с деятельностью немецкой

[1]) Там же, стр. 23.

социал-демократии, это не подлежит ни малейшему сомнению и это составляет их заслугу. Но происходило это не потому, что лавристы лучше бакунистов понимали теоретическую основу социал-демократической программы, а потому, что они видели в социал-демократах естественных своих союзников в борьбе против «*бунтарской*» тактики бакунистов. Отрицательное отношение к этой тактике было единственной точкой, в которой лавризм безусловно сходился с социал-демократией. Но, едва сойдясь с ней в этой точке, он сейчас же опять далеко расходился с нею, *даже по вопросу* об отношении к тому же бакунизму. Как известно, Лавров в своем журнале высказывал сожаление о том, что марксисты вели ожесточенную борьбу с бакунистами в Международном Товариществе Рабочих. Это обстоятельство и подало Энгельсу повод объявить его эклектиком. Кроме того, надо иметь в виду, что, — как на это указывает и Тун, — несмотря на тактические разногласия, *программа Лаврова была в сущности очень близка к программе Бакунина.* Что же касается «марксистских терминов» и тех «форм», которые лавризм, — по словам товарища Невзорова, — давал русским революционерам, и, которые будто бы подготовляли «их мышление к восприятию уроков жизни», то, насколько я понял очень неясно выраженную здесь мысль этого товарища, она тоже кажется мне ошибочной. В теоретическом отношении лавризм мог быть для русских революционеров только *школой эклектизма на идеалистической подкладке,* а такая школа вообще плохо подготовляет к восприятию уроков жизни и уж ни в каком случае не может служить подготовкой к пониманию марксизма. Те из наших революционеров, которые основательно прошли эту школу и сроднились с употреблявшимся в ней методом мышления, навсегда лишились способности понять учение Маркса. Как ни резко и как ни сильно расходился с автором «Капитала» Бакунин, он все-таки был гораздо ближе к нему, чем автор «*Исторических Писем*», и потому его влияние все-таки более подготовляло русских революционеров к пониманию учения Маркса, чем влияние Лаврова. Это может быть принято за парадокс, но это неоспоримая истина.

Не говоря уже о том, что жизнь давала более «уроков» той революционной партии, которая, стремясь агитировать на почве непосредственных народных требований, вынуждена была внима-

тельно относиться ко всем особенностям народного быта и народной психологии, чем той, которая уповала преимущественно на силу отвлеченной истины, я попрошу товарища Невзорова обратить внимание на коренное различие в *исторических взглядах* Бакунина с одной стороны и Лаврова с другой. Всякий, кто знаком с «*Историческими Письмами*», знает, что в своем объяснении истории Лавров был *идеалистом,* поскольку этому не мешал *эклектический* характер его ума. Исторического идеализма придерживались и те последователи Лаврова, которые имели определенные исторические взгляды. Товарищ Невзоров говорит: «теория так называемого экономического материализма (правда, в своеобразном толковании) пользовалась большой популярностью среди семидесятников, не только среди лавристов ... но и среди бакунистов» [1]). Но в действительности *бакунисты гораздо более склонны были признать эту теорию, чем лавристы*». Сам Бакунин не раз печатно объявлял себя решительным ее сторонником. Товарищ Невзоров цитирует то место из книги «*Государственность и анархия*», где Бакунин называет материалистическое объяснение истории «одной из главных научных заслуг г. Маркса». Если память не изменяет мне, на ту же заслугу Маркса и в еще более сильных выражениях указывает другое русское сочинение знаменитого анархиста: брошюра «*Наука и насущное революционное дело*». Наконец, в том же смысле высказывается Бакунин и в своей полемике с Мадзини: «Все религии и все системы нравственности, господствующие в обществе, — говорит он здесь, — представляют собою идеальное выражение его реального, материального положения, т.-е. в особенности его экономической организации, но также и его политического строя, который, впрочем, всегда является не чем иным, как юридическим и насильственным освещением экономики» [2]). Правда, Бакунин и бакунисты плохо понимали эту теорию, делая из нее тот вывод, что пролетариату нет никакой надобности прибегать к «*политике*» в борьбе за свое социальное освобождение. Вся теоретическая аргументация Бакунина против программы Маркса опиралась на плохо понятые и потому исковерканные положения марксова исторического материализма [1]). Но от искаженного, если хотите, даже *карикатурного* марксизма Бакунина и его последователей все-таки было ближе до научного социализма, чем от эклектического идеализма Лаврова и лавристов. И мы видим на самом деле, что первыми последовательными русскими социал-демократами явились люди, прошедшие через школу бакунизма, а не бывшие ученики Лаврова.

[1]) Там же, стр. 57, примечание.

[2]) La Théologie politique de Madzzini et l'Internationale, 1871 г., p. 69. О Марксе см стр. 78.

Когда редакция «*Черного Передела*» заявляла, что экономические отношения признаются ею «основанием всех остальных, коренною причиною не только всех явлений политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членов»; когда она повторяла, что «в основе общества лежат главным образом отношения экономические, которыми по преимуществу и определяются остальные отношения — государственные, юридические, нравственные и пр.» [2]), то она высказывала лишь тот взгляд, который раньше ее выражал, *вслед за Марксом,* — Бакунин. Но она принимала этот взгляд в том же искаженном его виде, который придал ему автор «*Государственности и анархии*». Она строила на нем чисто анархическое отрицание «государственности». Поэтому, товарищ Невзоров ошибается, говоря, что чернопередельцы «определенно стояли на марксистской точке зрения» [3]). Их марксистская точка зрения на самом деле была не более, как точкой зрения Бакунина [4]). Я потому считаю нужным указать на это, что товарищ Невзоров, преувеличивая значение нашего тогдашнего «марксизма», тем самым выставляет в неправильном освещении то теоретическое «*наследство*», которые было получено нами, русскими социал-демократами, от революционеров семидесятых годов. Это наследство было очень важно, — и даже совершенно незаменимо, — в смысле *практического опыта,* частью приобретенного нами самими во время нашей *народнической деятельности,* частью завещанного нам социалистами первой половины того десятилетия.

[1]) Подробнее эта мысль развита мною в брошюре «*Anarchismus und Socialismus*», Berlin, 1894.

[2]) Эти ея заявления цитирует тов. Новзоров на 57 стр. своей брошюры.

[3]) Там же, стр. 63.

[4]) Я имею право с полною уверенностью говорит *о тогдашних* взглядах редакции «Черного Передела», так как сам принадлежал к ней, и так как статьи, цитируемые товарищем Невзоровым, были написаны мною.

Этот опыт лег в основу всей нашей критики старых русских программ и теорий, и вот почему безусловно нелеп тот, так часто выдвигаемый против нас довод наших противников, который сводится к ехидному напоминанию о том, что первая программа русских социал-демократов была выработана заграницей. *Заграницей только были подведены итоги тому, что было сделано и узнано нами в России.* И во всем нашем проекте программы русских социал-демократов, написанном в 1884 и напечатанном в 1885 году, нет ни одной строчки, которая не имела бы в виду того или другого «проклятого вопроса» нашей революционной практики и которая не опиралась бы прежде всего на указания этой практики [1]). Но в *теоретическом* отношении семидесятые годы давали нам чрезвычайно мало, так как «наследство», завещанное нам ими, оставляло совершенно незаполненной ту пропасть, которая отделяла «*русский социализм*» бакунинского или лавровского оттенка от *научного социализма* западной Европы, и которую, однако, необходимо было заполнить для того, чтобы вывести нашу революционную мысль из тупого переулка. Об этом полезно напомнить теперь, когда делаются попытки реставрировать программы семидесятых годов.

Но вернемся к Туну. Длинное отступление, сделанное мною по поводу лавризма, показывает, какие важные вопросы нашей революционной истории скрываются за недомолвками и противоречиями, встречающимися в книге нашего автора. А неправильное представление товарища Невзорова о значении лавризма и об отношении исторических взглядов редакции «*Черного Передела*» к историческому материализму Маркса лишний раз свидетельствует о том, как трудно современному русскому революционеру составить себе верное представление о тех периодах нашего движения, которые незнакомы ему *по личному опыту*. Винить в этом, разумеется, надо только недостаток надежных источников.

Сделанная Туном характеристика народнического периода не заключает в себе важных промахов. Более того: перечитав теперь эту характеристику, мы с удивлением видим, что немецкий профессор лучше понял отличительные черты и результаты этого периода, чем, например, Е. А. Серебряков, написавший целую брошюру о самой крупной и влиятельной организации того времени,— о тайном обществе «*Земля и Воля*».

[1]) Некоторые немецкие радикалы сороковых годов самого Маркса упрекали в том, что он придумал свою программу за пределами германского фатерланда. Таким образом, мы оказываемся в очень хорошей компании.

На первой странице своей брошюры Е. А. Серебряков говорит: «Массовое движение русской социалистической молодежи в народ с целью пропаганды окончилось весною 1874 года страшным погромом. Около тысячи человек было арестовано; а немногие уцелевшие пропагандисты должны были спасаться в города, ибо и прежде трудное пребывание в деревне сделалось совершенно невозможным в эту минуту». Эти слова могут быть поняты только в том смысле, что «погром имел место главным образом «*в деревне*», которая и стала вследствие этого недоступной для социалистов, увидевших себя вынужденными искать спасения «*в городах*». Но это совсем неверно. На самом деле огромнейшее большинство арестов того времени произошло *именно в городах* и вызвано было полнейшим отсутствием всякой конспиративной сноровки у тогдашних революционеров и совершенно неорганизованностью их сил. Строгости полицейского надзора в деревне, — тогда очень слабого, — тут совсем непричем. Если многим социалистам и приходилось бежать из деревни в город, то происходило это опять-таки вследствие беспрерывных провалов в городе, обнаруживавших перед жандармерией все планы и все действия даже тех революционеров, которые шли в деревни. И это хорошо понимали тогдашние деятели. Я хорошо помню, как на революционных сходках, происходивших в Петербурге летом 1876 года, многие ораторы, — в том числе покойный И. Ф. Фесенко, — доказывали нам, студенческой молодежи того времени, что в полицейском отношении серьезная революционная работа в деревне гораздо безопасанее, чем шумная, но мало производительная жизнь в среде революционной интеллигенции городов. Эти соображения приводились, как один из доводов в пользу «хождения в народ». Таким образом, «*спасать*» революционеров должны были не города, а именно деревни. Это необходимо помнить всем тем, которые хотят правильно судить об истории нашего движения.

Так же неверно описывает Е. А. Серебряков и положение дел в 1878 — 1879 гг., т. е. *в конце* того периода, *начало* которого было подготовлено погромом 1874 года, и в течение которого рево-

Гос. Публичная библиотека

люционеры старались заводить *поселения в народе*. «Устройство поселений, — говорит он, — с первых же шагов встретило массу препятствий. Начальство было настороже, и поселенцам приходилось часто бросать устроенные мастерские и оставлять занятые должности, переезжать в новые местности, под новыми фамилиями» [1]). Все это, действительно, случалось нередко, но препятствия, на которые наталкивались селившиеся в деревне революционеры, были далеко не так велики, как это думает Е. А. Серебряков. У него выходит, что эти революционеры нигде не могли осесть сколько-нибудь прочно. Он так и говорит: «Преследуемые революционеры вынуждены постоянно переезжать с места на место, теряя при этом каждый раз многих товарищей, которых захватывало правительство» [2]). А в доказательство он ссылается на неизданные воспоминания одного землевольца, который приводит примеры, повидимому, подтверждающие слова Е. А. Серебрякова. Так, — пишет землеволец, — к концу 1877 года не осталось почти ни одного крупного поселения: они все рухнули, не просуществовав и одного года. Многие члены этих поселений были арестованы, а те, которые уцелели, разбежались во все стороны. Пропал год усиленных трудов, порваны связи» [3]). Здесь память изменила землевольцу. В конце 1877 г. произошел провал на Камышинской улице в Саратове, заставивший бежать некоторых из землевольцев, живших в этом *городе* и занимавшихся там пропагандой частью в среде местных рабочих, а частью между семинаристами и гимназистами. Этот, *совершившийся в городе,* провал неблагоприятно отразился и на некоторых землевольских поселениях в крестьянстве, вследствие уже знакомого нам смертного греха наших революционеров: *неосторожности.* Но эти поселения рухнули *далеко не все,* и потому землеволец не прав, говоря, что целый год усиленных трудов пропал без пользы для дела. — «Но вера еще крепка, силы не надорваны, — продолжает он. И вот, весною 1878 года образовалось в Саратовской же губернии новое поселение» [4]). Весною 1878 года

[1]) *Общество «Земля и Воля»*, стр. 17-18.
[2]) Там же, стр. 21.
[3]) Там же, та же страница.
[4]) Там же, та же страница.

саратовская колония землевольцев действительно пополнилась новыми силами, которые заменили товарищей, выбывших из строя, благодаря осеннему провалу предыдущего года. Но так как старое саратовское поселение было очень далеко от полной гибели, то заводить *новое* не было *надобности*. «Одновременно почти с этим, землевольцы основали в Воронежской губ. другое поселение, — пишет дальше товарищ, цитируемый Е. А. Серебряковым. — Оба эти поселения по составу лиц и организации не оставляли желать ничего лучшего. Многие члены этих поселений впоследствии показали свою способность, энергию и деятельность на террористическом пути. Но здесь, на почве народа, злой рок по прежнему преследовал их. Эти новые поселения вскоре распались. Воронежское не просуществовало и полгода, а новосаратовское погибло вскоре после 2-го апреля 1879 года» [1]). — Здесь я замечу, что «*распалось*» не значит — *провалилось.* Воронежское поселение землевольцев, действительно, просуществовало очень недолго, но и в этом виноваты были не полицейские условия, что доказывается, между прочим, тем, что ни один из его участников не был арестован. Я не могу припомнить теперь, по какой именно причине они так скоро покинули облюбованное ими место; но думаю, что причина эта была в значительной степени *субъективного свойства:* в числе основателей воронежского поселения находилось несколько членов бывшего кружка так называемых *централистов, т. е. последователей П. Н. Ткачева.* Люди этого направления могли быть очень способными, энергичными и деятельными на поприще террора, — и такими в самом деле оказались некоторые члены воронежского поселения,—например, покойная М. П. Полонская,— но для работы в *крестьянской* среде они годились очень мало уже по одному тому, что она плохо вязалась с их образом мыслей. Они примкнули к воронежскому поселению за неимением более подходящей для них деятельности; а когда такая деятельность явилась вместе с началом *террористической* борьбы, тогда они уже не могли усидеть в деревне и покинули ее при первом удобном случае. О «новосаратовском» поселении сам землеволец, цитируемый Е. А. Серебряковым, говорит, что оно «погибло» *после 2-го апреля, т. е. после покушения А. Соловьева на жизнь Александра II.* Ясно,

[1]) Там же, стр. 21.

что если бы оно и в самом деле погибло, то и тогда причину его гибели надо было искать не в строгостях деревенского полицейского надзора, а в тех затруднениях, которые создавались для деятельности революционеров *новыми приемами борьбы, которые стали практиковать в городах*. Но на самом деле, «новосаратовское» поселение только отчасти пострадало от выстрела А. Соловьева, а в общем продолжало довольно благополучно существовать вплоть до воронежского съезда, на котором было довольно много его представителей. И вот почему Е. А. Серебряков очень ошибается, когда говорит, изображая положение дел в промежутке времени между выстрелом 2-го апреля и воронежским съездом: «последние остатки деревенщиков бегут в города» [1]). *Это неправда*. И я удивляюсь, каким образом сам Е. А. Серебряков не усомнился в правильности своего изложения. Мне странно, как ему не пришло в голову следующее простое соображение: если деятельность в деревне встречала такие непреодолимые трудности, то ко времени воронежского съезда там не осталось бы никого из землевольцев; а между тем мы видим, что на этом съезде было много «деревенщиков», и притом не таких деревенщиков, которые *только собирались бы* «идти в народ», а таких, *которые жили и действовали там именно в эпоху съезда*. Или А. Е. Серебряков не знал этого обстоятельства? Пожалуй, что и не знал. Описывая события, последовавшие за воронежским съездом, он спрашивает: «а что же делали деревенщики?» На этот вопрос он категорически отвечает так: «в деревню идти они не могли... И пришлось им остаться в городах и здесь заниматься, подобно членам новой фракции, проповедью и вербовкой последователей... неизвестно, для чего» [2]). Эти слова дают повод думать, что и до съезда большинство «деревенщиков» *оставалось в городах*. Но если Е. А. Серебряков думает так, то ему полезно будет перечитать книгу немца Туна, никогда не принимавшего участия в нашем движении, но все-таки лучше осведомленного на его счет. Тун говорит: «так как заседавшие в Липецке террористы заставили прождать себя целых четыре дня, то многие деревенщики разъехались из Воронежа, боясь потерять занятые в деревнях места».

[1]) Там же, стр. 52-53.
[2]) Там же, стр. 63.

Так оно и было на самом деле. Но Е. А. Серебряков согласится, что если бы «деревенщики» *оставались в городах*, то указанное Туном опасение не имело бы ни малейшего смысла и, конечно, не возникло бы ни у кого из них.

На эту ошибку Е. А. Серебрякова стоило обратить внимание читателя. У нас многие думают теперь, что «хождение в народ» прекратилось, главным образом, вследствие полицейских строгостей. Распространению такого взгляда очень способствовала устная и печатная пропаганда «народовольцев», орган которых «*Народная Воля*» уже осенью 1879 г. во всеуслышание объявил, что при нынешних полицейских условиях *работать в народе — значит биться, как рыба об лед*. В своей брошюре Е. А. Серебряков повторяет это мнение, совершенно не считая нужным проверить его основательность. И это очень жаль, потому что его брошюра, благодаря его неумению критически отнестись к своим источникам, вводит читателей в глубокое заблуждение. Если бы тогдашняя деревня была недоступна для революционеров по полицейским причинам, то в этом прежде всех других должны были бы убедиться именно «деревенщики», последние остатки которых уже в середине 1879 г. бежали, — по словам Е. А. Серебрякова, — из деревень в города. Но деревенщики не только не убеждены в этом и не только не бежали из города, а, напротив, с величайшею горячностью доказывают необходимость оставаться в народе и оспаривают своих *городских* товарищей, всеми силами старающихся уверить их, что в народе действовать невозможно. Удивительно, каким образом Е. А. Серебряков не остановился перед этим бесспорным и всем известным фактом, ясно показывающим, как произвольно и односторонне ходячее у нас представление о причинах, заставивших большинство наших революционеров конца 70-х годов покинуть мысль о деятельности в крестьянстве, которую не далее, как за несколько лет до того, они же считали безусловно необходимой и единственно целесообразной.

В действительности дело было гораздо сложнее, чем это кажется Е. А. Серебрякову. Деятельность в крестьянстве отнюдь не была невозможной; революционеры справились бы с полицейскими перпятствиями, если бы их *настроение* продолжало толкать их в деревню. Но в том-то и дело, что во второй половине семидесятых годов их настроение очень изменилось, и «хождение

в народ» потеряло в их глазах почти всю свою привлекательность. Произошло это потому, что деятельность в народе не оправдала тех радужных, можно сказать, *почти ребяческих* надежд, какие возлагались на нее революционерами. Отправляясь в народ, революционеры воображали, что «*социальную революцию*» сделать очень легко, и что она очень скоро совершится: иные надеялись, что года через *два-три*. Но известно, что подобная легкомысленная «*вера*» представляет собою нечто до крайности хрупкое и разбивается при первом столкновении с жизнью. Разбилась она и у наших тогдашних революционеров. «Народ» перестал привлекать их к себе, потому что «хождение в народ» перестало казаться им вернейшим и скорейшим средством повалить существующий порядок. До какой степени это верно, покажет следующий пример. Летом 1878 г. волновались донские казаки по случаю введения у них *земства*, которое было огромным шагом *назад* сравнительно с их почти первобытным самоуправлением. Верные своей «бунтарской» программе, землевольцы поспешили отправиться на Дон и завязать сношения с недовольными. Я был одним из первых попавших туда членов «Земли и Воли». Ознакомившись с положением дел и убедившись, что оно благоприятно для агитации, я написал об этом в Петербург, откуда немедленно двинулся ко мне на помощь Александр Михайлов. Но так как я спешил отпечатать «*Воззвание к славному войску донскому*», составленное нами, «интеллигентами», при участии «спропагандированных» нами казаков, то я выехал в Петербург, — где у нас была тогда тайная типография, — не дождавшись приезда Михайлова в Ростов-на-Дону. Это было уже осенью и всего несколько дней спустя после большого «провала», погубившего Ольгу Натансон, Адриана Михайлова и многих других наших надежных и опытных товарищей. Я ничего не знал об этом несчастии и сам избежал ареста лишь благодаря простой случайности, помешавшей мне пойти тотчас по приезде в Петербург на нашу бывшую «конспиративную» квартиру, где расположилась полицейская засада. Последствия «провала» были так тяжелы для нашей организации, что приходилось на время отказаться от всякой мысли об участии ее членов в агитации между казаками: надо было прежде всего восстановить «центр», разрушенный опустошительным полицейским набегом. Я немедленно вызвал телеграммой Ал. Михайлова

из Ростова, и когда он, несколько дней спустя, вернулся в Петербург, я в первый раз услыхал от него то мнение, что нам нельзя ставить себе задачу широкой агитации в народе, так как наши силы для этого слишком малы, а надо просто «наказывать» правительство за его свирепые преследования: прежде он был самым убежденным сторонником «агитации на почве непосредственных народных требований» и самым решительным противником «террора», который назывался у нас тогда *дезорганизацией правительства*, и о котором начали поговаривать уже летом 1877 года. Я не согласился с Ал. Михайловым, но так как о поездке на Дон членов нашей организации тогда, действительно, нельзя было и думать, то я стал искать охотников в среде «интеллигентной» революционной молодежи, не принадлежащей к нашему обществу, но сочувствовавшей нашему направлению. Эта молодежь, насквозь пропитанная народничеством, с приятным удивлением слушала мои рассказы о казацких волнениях и вполне соглашалась с тем, что революционеры непременно должны воспользоваться этими волнениями. Но, несмотря на это, на Дон все-таки никто из петербургских революционеров не поехал. Так и пришлось махнуть рукой на казаков. Правда, к ним отправилось несколько молодых товарищей из Харькова; но и эти товарищи скоро убедились в том, что ни на какую поддержку со стороны революционной интеллигенции им рассчитывать невозможно, и, обескураженные этим, сами вернулись в город, хотя революционеры-казаки, — которых насчитывалось тогда уже человек до пятидесяти, — настойчиво уговаривали их оставаться. Попытка агитации на Дону — чрезвычайно важная с точки зрения нашей тогдашней программы — окончилась ничем, и не потому, чтобы казацкая полиция помешала нам связать прочные связи в казацких станицах и хуторах, — эта полиция по своей неопытности в таких делах ничему помешать не могла, и связи уже начали завязываться,—а просто потому, что мысль об агитации в массах совсем перестала тогда увлекать нашу революционную интеллигенцию. И это чувствовали наши «деревенщики», которые видели, что число лиц, желающих идти в народ», постоянно уменьшается, и что их «поселения» перестают быть привлекательными для революционной молодежи. А так как необходимым условием широкого народного восстания была, в глазах бунтаря, организация народных сил, а эта организация, в свою

очередь, предполагала беспрерывный и широкий приток в народную среду революционной интеллигенции, то существовавшие тогда «поселения» имели для «деревенщиков» цену только в той мере, в какой можно было надеяться, что в недалеком будущем таких поселений явится не два-три десятка, а очень много: два-три десятка лиц, уже поселившихся и действовавших в поволожье, могли иметь значение только как *авангард,* возвещающий о приближении *большой армии;* сами же по себе они были так слабы, что самый горячий сторонник агитации в народе переставал дорожить ими, как только убеждался, что на новый и гораздо более значительный приток в народ сил «интеллигентов» рассчитывать уже невозможно. Вот почему «деревенщики» так горячо восстали против террора, — которому сначала многие из них горячо сочувствовали, — когда убедились, что он отвлекает симпатии молодежи от агитации в народе и направляет их в другую сторону. И вот почему после воронежского съезда многие «деревенщики», до того времени благополучно жившие и более или менее удачно действовавшие в крестьянстве, переехали в города, чтобы звать оттуда молодежь на деятельность в крестьянстве и бороться там с возрастающим влиянием террористов. Е. А. Серебряков обнаруживает полное непонимание дела, когда пускается в иронию, замечая что эти, переехавшие в города, деревенщики вербовали последователей «неизвестно для чего»; нет, последователи вербовались для цели, очень хорошо известной, но неизлечимая слабость «бунтарей», оставшихся верными старой программе, заключалась в том, что даже их молодые последователи, вполне признававшие необходимость нового похода «в народ» революционной интеллигенции, ни в какой поход отнюдь не собирались, а продолжали жить да поживать в городах, т.-е. там, где им, по прямому смыслу их программы, полагалось жить только в виде исключения [1]). Революционное народничество погибало, но погибало не под ударами полиции, будто бы загородившей революционной интеллигенции все пути к народу, а в силу неблагоприятного для него настроения тогдашних революционеров, которым во что бы то ни стало хотелось «отомстить» правительству за его преследования и вообще вступить с ним в «непосредственную борьбу», т.-е., собственно говоря, как можно скорее добиться конституции.

[1]) Эту черту очень хорошо подметил и верно изобразил в своих «*Воспоминаниях*» В. К. Дебагорий-Мокриевич.

Прочитав брошюру Е. А. Серебрякова, можно подумать, что отправлявшиеся в народ пропагандисты и агитаторы испытывали одни только неудачи. Немец Тун и здесь ближе к истине. Он говорит: «Справедливо то мнение, что результаты далеко не соответствовали жертвам: жертвы были многочисленны и тяжелы, результаты весьма незначительны. Но не следует думать, что пропаганда прошла без всяких следов. Во многих случаях социалистические идеи запали в головы крестьян... И мы видим, что многие крестьяне и рабочие на суде с воодушевлением исповедуют свои социалистические воззрения... В социалистических кружках было много членов из рабочих; существовали даже чисто рабочие союзы, как например, в Одессе... Наконец, пропаганда имела еще и тот результат, что было приобретено несколько точек опоры для дальнейшей деятельности в деревне. Пропагандистское движение пустило в народе более глубокие корни, чем все прежние заговоры, и заложило основы для будущей революционной партии» [1]).

В этих строках Тун подводит итоги деятельности социалистов в 1873—74 годах. Итоги эти, как я уже заметил, — ближе к истине, чем то, что сообщает нам Е. А. Серебрякова. И приблизительно такие же результаты дала деятельность собственно народнического периода, т.-е. 1875-78 годов. И тогда социалистические идеи продолжали западать в головы крестьян, рабочее же движение своим быстрым развитием *даже превзошло ожидания «интеллигентных» революционеров, как в этом сознавалась газета «Земля и Воля».* Но нужно помнить, что между крестьянами именно только отдельные головы — хотя бы и довольно «многие» — были и могли быть доступны социалистической пропаганде. Взятое в массе крестьянство обнаруживало стремления, не имевшие ничего общего с социализмом. Эти стремления не ускользнули от внимания пропагандистов, но они были истолкованы ими очень неправильно. И именно это неправильное истолкование пропагандистами верно схваченных ими народных стремлений положило основание нашему *революционному народничеству.*

[1]) См. стр. 68-69.

Дело в том, что крестьянин, охотно и внимательно слушавший рассказы и рассуждения пропагандиста на тему о малоземелье, о тяжести податей, о произволе администрации, о бессердечии помещиков, о жадности попов, о хищничестве кулаков и т. п., в массе оказывался глух к проповеди социализма. Социалистические идеалы не только не влекли его к себе, но прямо не укладывались в его голову, потому что в идеалах, подсказываемых ему его собственными производственными отношениями, было очень много *буржуазного индивидуализма*.

«Легче восстановить крестьянина против царя, чем убедить его в том, что не надо частной собственности», — говорил на одной из революционных сходок, осенью 1876 года, Боголюбов, который был очень опытным и умелым пропагандистом. Другой пропагандист на другой сходке рассказывал, как один крестьянин, убежденный им в необходимости поголовного народного восстания и отобрания земли у помещиков, воскликнул однажды с нескрываемым удовольствием: «Вот будет хорошо, как землю-то мы поделим! Тогда я принайму двух работничков, да как заживу-то!» — Подобных рассказов можно было тогда услышать от всякого бывалого пропагандиста великое множество [1]). Общий смысл их был тот, что идеалом русского крестьянина, подавленного гнетом податей и закрепощенного государству, является крестьянин, избавленный от этого гнета и освобожденный от этого закрепощения, но остающийся самостоятельным производителем и даже отчасти предпринимателем, — словом: *мелкий буржуа земледелия*. Этого смысла революционеры не поняли во всем его великом общественном значении. Они решили, что если крестьянин теперь, вообще говоря, не интересуется социализмом, то это происходит лишь от того, что община пока еще не достигла надлежащей высоты развития, а впоследствии, когда она поднимется на эту высоту, стремление к социализму вырастет само собою из условий крестьянской жизни. А отсюда они сделали тот вывод, что задача революционеров сводится теперь к устранению всего того, что препятствует сохранению и дальнейшему развитию общины и всех прочих старых «устоев» экономической жизни

[1]) В легальной литературе те же самые черты крестьянского идеала стал указывать впоследствии Г. И. Успенский.

народа. Этот вывод и лег в основу всей народнической программы. Возникновение народничества означало, что наши социалисты *отступают перед трудностями социалистической пропаганды и агитации в крестьянстве* и, совершая свое отступление, *утешают себя верой в будущее* «самопроизвольное» *развитие общины*. И чем больше давали себя чувствовать названные трудности, чем решительнее было указанное отступление социалистов, тем более подготовлялась почва для идеализации общины и веры в ее будущий переход «в высшую форму общежития». Наивысшей своей точки эта идеализация и эта вера достигли впоследствии у некоторой части народовольцев.

Обо всем этом Е. А. Серебряков не говорит ровно ничего. Правда, и у него есть страница, очень хорошо подтверждающая то, что сказано здесь мною, но содержание этой страницы осталось для него непонятным. Он приводит следующую цитату из неизданных воспоминаний землевольца: «Положение человека физического труда признавалось попрежнему весьма желательным и целесообразным, но безусловно отрицалось [1]) положение бездомного батрака, ибо оно никоим образом не могло внушить уважения и доверия крестьянству, привыкшему почитать материальную личную самостоятельность, домовитость и хозяйственность, — а потому настоятельной необходимостью считалось занять такое положение, в котором революционеру, при полной материальной самостоятельности, открывалась бы широкая возможность придти в наибольшее соприкосновение с жителями данной местности» и т. д. [2]). Что означает то пренебрежительное отношение *крестьянина к батраку* и то его почтение к «*материальной самостоятельности*», о которых говорит землеволец? Да именно то, что иное дело *пролетарий* (батрак), а иное дело *крестьянин*, и что идеалом крестьянина является, — как уже сказано мною — *мелкий буржуа земледелия*. Но Е. А. Серебряков обращает на это так же мало внимания, как наши нынешние «*социалисты-революционеры*».

Еще два небольших замечания, чтобы покончить с его неудачной брошюрой. Он утверждает, что непременным условием начала

[1]) Речь идет здесь об эпохе народничества.
[2]) Общество «Земля и Воля», стр. 17.

Казанской демонстрации 1876 года было поставлено присутствие на площади не менее двух тысяч человек манифестантов, но что «вопреки принятому решению, хотя и собралось только 200—300 человек, нашелся оратор, который начал говорить речь» [1]). Это *неправда*. На последнем своем собрании организаторы демонстрации решили, наоборот, что *демонстрация должна состояться, хотя бы на нее пришло всего несколько сот человек*. Это решение было принято потому, что демонстрация уже не раз назначалась и отсрочивалась, и новая отсрочка подействовала бы на всю петербургскую революционную среду самым деморализующим образом [2]). Е. А. Серебряков, очевидно, совсем не знает обстоятельств дела, о котором взялся говорить.

«Дело кончилось, конечно, так, как многие предвидели, — рассказывает дальше наш автор. — В виду малочисленности манифестантов, полиция натравила на них дворников, сидельцев соседних лавок и проч., и началось поголовное избиение». Это опять не так. Дворники, действительно, работали тогда не хуже, чем они работают в подобных случаях теперь. Но что до «поголовного избиения» было очень далеко, это доказывается тем, что ни один из выдающихся землевольцев, бывших на Казанской площади и отражавших полицейское нападение, не был арестован. Далее Е. А. Серебряков сообщает нам, что хотя Казанская демонстрация произвела удручающее впечатление, но что жестокий приговор суда над ее участниками вернул революционерам симпатии общества, доказав ему, что «демонстрация, очевидно, уже не так была смешна, если правительство вынуждено было прибегнуть к столь суровым мерам [3]). В настоящее время, когда демонстрации, подобные Казанской, вошли, можно сказать, в обычай, нет нужды доказывать, что они не совсем *смешны* даже и в тех случаях, когда полиции удается натравить на демонстрантов «дворников, сидельцев соседних лавок и проч.».

Программа, приводимая Е. А. Серебряковым в качестве программы того общества «Земля и Воля», о котором говорится в его

[1]) Стр. 16.

[2]) См. об этом в моей брошюре: «*Русский рабочий в революционном движении*». Чрезвычайно жаль, что Е. А. Серебряков в разбираемом мною месте не указывает своих источников.

[3]) Там же, та же страница.

брошюре [1]), на самом деле была написана гораздо позже и выражает взгляды и намерения совсем другого общества, *возникшего под тем же именем в 1880 году*. Я хорошо знаю как эту программу, которую я читал в ее рукописном проекте, присланном на просмотр нашей группе весною указанного года, так и программу «*Земли и Воли*» семидесятых годов, которая была формулирована мною весною 1878 года [2]). И я могу доказать Е. А. Серебрякову, что он ввел своих читателей в *жестокую ошибку*.

Теперь довольно об его неудачной брошюре. Возвращаясь опять к Туну, я замечу, что его характеристика так называемого *народовольческого* направления тоже не свободна от некоторых противоречий, за которые, однако, и здесь приходится винить не его, а источники, находившиеся в его распоряжении. В народовольческую организацию входили люди, довольно сильно расходившиеся между собою во взглядах на важнейшие задачи нашего революционного движения. В ней были *радикалы в западно-европейском смысле*, но были и чистокровные *народники*, пришедшие к тому убеждению, что только низвержение нынешнего нашего государственного порядка проложит свободный путь для развития старинных «устоев» народной экономической жизни; были в ней, наконец, и такие люди, и эти составляли, кажется, большинство, — которые одновременно склонялись и к западно-европейскому радикализму, и к российскому народничеству, вследствие чего их воззрения делались в высшей степени запутанными. Как на самого выдающегося представителя западно-европейского радикализма в «*Партии Народной Воли*» можно указать на А. И. Желябова. В его биографии, написанной Тихомировым и одобренной к печати Исполнительным Комитетом партии Народной Воли, мы встречаем следующие строки: «Политический агитатор рано сказался в нем. Так, например, он принимал деятельное участие в организации помощи славянам, рассчитывая, как рассказывал впоследствии, на деле возрождения славян помочь политическому воспитанию самого русского общества. Вообще надо сказать, что этот *мужик* по своему происхождению никогда не отвертывался от

[1]) См. стр. 9 - 12 этой брошюры.

[2]) Раньше этого времени она существовала лишь в словесной формулировке.

«общества», как делало большинство отправлявшихся в народ. Русская революция представлялась ему не исключительно ввиде освобождения крестьянского или даже рабочего сословия, а ввиде политического возрождения всего русского народа вообще. Его взгляды в этом случае значительно расходились со взглядами большинства современной ему революционной среды» [1]). Это чрезвычайно характерные строки. Здесь «*русский народ вообще*» противопоставляется «*крестьянскому или даже рабочему сословию*», т.-е. более или менее правильно определенному *классу эксплоатируемых*. Желябов смотрел на задачи русской революции *не с точки зрения интересов этого класса, а с точки зрения «русского народа вообще» т.-е. всей той совокупности классов, интересы которых расходятся с интересами самодержавия.* Автор его биографии недурно объясняет нам, какие именно соображения располагали А. И. Желябова к принятию именной той точки зрения, которая,— по справедливому замечанию того же автора, — была чужда большинству тогдашних наших революционеров. Желябов рассуждал так: «Социально-революционная партия не имеет своей задачей политических реформ. Это дело должно бы всецело лежать на тех людях, которые называют себя либералами. Но эти люди у нас совершенно бессильны и, по каким бы то ни было причинам, оказываются неспособными дать России свободные учреждения и гарантии личных прав. А между тем эти учреждения настолько необходимы, что при их отсутствии никакая деятельность невозможна. Поэтому русская социально-революционная партия принуждена взять на себя обязанность сломить деспотизм и дать России те политические формы, при которых возможна станет «идейная борьба». В виду этого мы должны остановиться, как на ближайшей цели, на чем нибудь таком, достижение чего давало бы прочное основание политической свободе и стремление к чему могло бы объединить все элементы, сколько-нибудь способные к политической активности» [2]). Кто думает, что социально-революционная партия не имеет своей задачей политических реформ, тот держится взгляда старого *утопического социализма,* противополагавшего себя «*политике*». В этом отношении А. И. Желябов сходился с большинством народников, воспитанных в преданиях бакунизма: но именно потому, что и он, подобно другим народникам, противополагал *социализм* («задачи социально-революционной партии») *политике,* он, убедившись в неизбежности *политической* борьбы, увидел себя вынужденным *отодвинуть на задний план социалистическую задачу*. Он стал стремиться к *объединению всех противников самодержавия,* вследствие чего *классовые интересы* «крестьянского или даже рабочего сословия» потеряли в его глазах всякое самостоятельное значение. Принцип *борьбы классов* сделался неудобным для него принципом, потому что *мог помешать указанному объединению*. И вот мы видим, что А. И. Желябов, — с последовательностью, делающею величайшую честь его логике,—объявляет на воронежском съезде, что, по его мнению, *революционеры должны оставить всякую мысль о классовой борьбе*. Это вызвало против него целую бурю; ему возражали, что в таком случае мы должны отказывать в нашей поддержке *стачечникам,* так как *стачка* несомненно представляет собою один из видов классовой борьбы [1]). И в ответ на это он произнес свою знаменитую фразу, которую теперь часто истолковывают так неправильно. «Стачечник ведет двоякую борьбу, — сказал А. И. Желябов, — он ведет классовую борьбу с фабрикантами и политическую борьбу с полицией; и я буду поддерживать его именно потому, что он борется с этой последней». Сказать это мог именно только *радикал в западно-европейском смысле. Социалист,* отбросивший предрассудки *утопического периода,* понимает, что *политическая* борьба тоже может стать *классовою* и даже должна стать классовою, чтобы иметь шансы на успех.

Теперь, когда читатель уяснил себе точку зрения А. И. Желябова на основании показаний г. Л. Тихомирова, я попрошу его обратить внимание на то, как представлял себе политическую задачу «социально-революционной партии» сам г. Л. Тихомиров.

«Идея действительной равноправности политического и экономического элементов в партийной программе нашла себе ясное

[1]) «Андрей Иванович Желябов», стр. 14-15.
[2]) Там же, стр. 36.

[1]) В высшей степени замечательно, *что народники,* действовавшие преимущественно в *крестьянстве,* вспомнили прежде всего *рабочих,* когда им пришлось рассуждать о *борьбе классов*.

и громкое признание только с появлением народовольства, — говорит он в статье: «Чего нам ждать от революции?» [1]). — Тесная связь этих обоих элементов в общественной жизни сделалась мало по малу очевидной с тех пор, как социалисты перешли к практической деятельности. Совершенно помимо желания и в противность предвзятым теоретическим взглядам, они должны были убедиться при этом, как неизбежна политическая борьба, как она сама навязывается каждому общественному деятелю. После этого опыта социалисты могли уже сознательно понять тот характер исторического развития, который они до сих пор только смутно ощущали. Народовольская программа была первым гласным проявлением этого сознания».

У Желябова *социализм* противополагался *политике*. У г. Тихомирова «эти оба элемента» изображались как неразрывно связанные между собою. Желябов находил, что социально-революционная партия должна прежде всего добиться «свободных учреждений и гарантий личных прав», *т.-е. политической свободы, т.-е. конституции*. Г. Тихомиров думал, что этого слишком мало. «В самом деле, — спрашивал он, — для чего нам нужна конституция? Ведь не для того же, чтобы дать буржуазии новые средства для организации и дисциплинирования рабочего класса посредством обеззеленения, штрафов и зуботычин. Таким образом бросаться прямо в омут головой может лишь человек, вполне преклонившийся перед неизбежностью и необходимостью капитализма в России» [2]). Г. Л. Тихомиров не преклонялся перед этой необходимостью, и, кроме того, он, — как видим, — был убежден, подобно всем народникам, что завоевание политической свободы, не сопровождающееся немедленной социальной революцией, принесет рабочему классу гораздо больше вреда, чем пользы, утвердив власть буржуазии. Поэтому г. Л. Тихомиров говорил, что за «таинственной чертой» предстоящей революции нас ждет «начало социалистической организации России» [3]). Короче, *народоволец* Желябов смотрел на политический вопрос *совсем другими глазами, чем народоволец*

[1]) *«Вестник Народной Воли»*, кн. 2-ая, стр. 232 - 233.
[2]) Там же, стр. 237.
[3]) Там же, стр. 248. Ср. также стр. 260.

Тихомиров. Тут надо заметить, правда, что приведенный мною взгляд Тихомирова окончательно сложился и был принят большинством народовольцев уже значительно позже воронежского конгресса. Его выработке и распространению в среде народовольцев очень значительно содействовал ропот «широкой публики, т.-е. революционной интеллигенции, сочувствовавшей народовольческой борьбе, но по старой (народнической) памяти опасавшейся, что «политическая революция» отдаст народ во власть буржуазии. И все-таки несомненно то, что уже во время воронежского съезда политические взгляды А. И. Желябова не разделялись большинством его товарищей. Его биограф, как мы видели, прямо говорит это. Г. Л. Тихомиров и в то время совсем иначе, чем Желябов, понимал революционную задачу своей партии. Это доказывается его статьями в «Народной Воле», которая начала выходить в Петербурге уже осенью 1879 года. В тогдашних социально-политических взглядах г. Тихомирова были чрезвычайно сильны элементы *народничества*. А между тем этот народник, так сильно опасавшийся того, что конституция окончательно отдаст народ во власть буржуазии, и утешавший себя только той надеждой, что революционерам удастся захватить политическую власть в свои руки и, опираясь на нее, приступить к «социалистической организации России», этот народник-якобинец, — говорю я, — проговаривался иногда такими мнениями, на основании которых его можно было бы причислить уже не к европейским *радикалам*, к каким принадлежал Желябов, а к довольно *заурядным русским либералам*. Так, например, во внутреннем обозрении третьей книжки «*Вестника Народной Воли*» г. Тихомиров, — указав на то, что правительство, запретившее «*Отечественные Записки*», объявило направление этого журнала, и вообще прессы «известного оттенка», одинаковым с направлением «подпольной печати», — замечает:

«Пресса известного оттенка, в переводе на русский язык, означает не что иное, как ту прессу, которая выражает настроение, направление и желания девяти десятых всего того, что только есть в России развитого, знающего и честного. . . короче говоря — это направление *русского общества*, и с ним находятся в основном противоречии начала, поддерживаемые существующим правительством. . . Мы можем только поблагодарить правительство за

откровенность, с которой оно разоблачает себя, свою программу, свой строй» [1]). Далее, оговорившись насчет того, что необходимо разграничить миросозерцания, идеалы и стремления с одной стороны и способы их достижения с другой, внутренний обозреватель «Вестника Нар. Воли» продолжает: «Правительство вполне право, когда не видит существенной разницы в общем миросозерцании и идеалах революционеров и — наиболее развитой, культурной части русского общества. Действительно, революционеры добиваются того самого, чего хочет эта часть общества: осуществления прав человека и гражданина, разумной политической организации государства, обеспечения трудящегося, правильной организации национального производства, но в каком отношении эти стремления — стремления каждого порядочного человека не одной России, а всего цивилизованного мира, — в каком отношении эти стремления находятся к политическим убийствам и восстаниям?» [2]).

Отказываясь от совместного с г. Тихомировым рассмотрения этого последнего вопроса, об отношении убийств и восстаний к идеалам, мы скажем, что здесь программа партии Народной Воли была выставлена им в новом и неожиданном виде. Если эта партия, которая должна была в скором времени взяться за «социалистическую организацию России», выражала стремления наиболее развитой и культурной части общества, то выходит, что эта часть общества тоже была пропитана социалистическими идеалами и стремилась положить конец эксплоатации низших классов высшими, к которым она, мимоходом сказать, сама принадлежала. Но это совершенно невероятно. Поэтому остается только усумниться в том, что программа, которую выставляли народовольцы и которая совпадала с «направлением русского общества», была программой *социалистической революции*. И это сомнение становится еще более законным в виду той неопределенной формулировки, которую здесь давал г. Тихомиров этой программе. В самом деле, необходимость «разумной политической организации государства», «обеспечения трудящихся» и «правильной организации национального производства» в такой же мере признается *либералами*, как

[1]) Стр. 99 - 101.
[2]) Стр. 101.

и *социалистами*. Весь вопрос в том, какие *конкретные требования* скрываются под этими *общими фразами*. А этот-то неизбежный вопрос и был оставлен здесь г. Тихомировым без ответа. Г. Тихомиров ограничился констатированием того факта, что стремления его партии совпадают с «направлением русского общества». И напрасно стали бы мы обвинять его в желании обмануть «общество» на счет истинных целей партии Народной Воли,—нет, он *не обманывал, а скорее был обманут*. Маркс говорит в своем сочинении о «*революции и контр-революции в Германии*», что в этой стране «в конце 1847 г. вряд ли был хоть один выдающийся политический деятель среди буржуазии, который не провозгласил бы себя «социалистом» для обеспечения симпатий пролетарского класса. Передовые представители мелкой буржуазии в России, — «интеллигенты» всяких названий и призваний, — тоже чуть не поголовно причисляли себя к социалистам. Делалось это у нас не затем, чтобы обманывать пролетариат, самое существование которого почти не признавалось тогда «интеллигенцией», а просто потому, что передовая часть «общества» привыкла отождествлять с «социализмом» всякое стремление к общественному благу и всякое сочувствие народу. На самом деле в ее стремлении к общественному благу и в ее сочувствии народу было очень мало социалистического. Но тут опять приходится вспоминать Маркса, который говорит: «Этикетки, наклеиваемые на систему, тем отличаются от этикеток, наклеиваемых на другие товары, что они обманывают не только покупателя, но и самого продавца» [1]). Воображая себя сторонницей социализма, наша мелко-буржуазная интеллигенция обманывала не только самое себя, но также и нашу «социально-революционную партию». Когда наши революционеры перестали возлагать свои надежды на революционную самодеятельность «*народа*», они стали уповать на поддержку со стороны «*общества*», передовая часть которого казалась им преисполненной «социалистических идеалов». Но такая ошибка не могла, конечно, остаться безнаказанной: признавая себя солидарной с «обществом», которое на самом деле не имело, да и не могло иметь никакого серьезного отношения к социализму, партия Народной Воли тем самым показывала, что ее собственный социа-

[1]) «Das Kapital», II Band, zweite Aufl., S. 333.

лизм был, по *меньшей мере, недостаточно последователен и продуман.*

Вот яркий пример в подтверждение сказанного. Когда, в конце восьмидесятых годов, в русской революционной печати стали раздаваться голоса, приглашавшие наших революционеров на время *отказаться от социализма и превратиться в либералов* [1]; тогда один из самых верных хранителей старого народовольческого предания, г. Кашинцев, в статье «*По поводу одной программы*», напечатанной в первом и единственном номере газеты «*Социалист*», писал, что социализм занимал первое место в революционных программах собственно только в самом начале нашего движения». «Это было, — говорил он, — но было лишь в исходные моменты юношеского увлечения, которое при первых столкновениях с жизнью и критической мыслью начало уступать и очень скоро уступило свое место иному, чисто реальному, пониманию общественных отношений, революционному миросозерцанию, оставшемуся в своих основах неизменным и по сие время. Даже в первых опытах нелегальной литературы вопросам чистого социализма, теоретического и практического, отводилось сравнительно немного места (пожалуй столько, сколько было нужно в интересах гуманитарной пропаганды для юношества. . .)». Далее, г. Кашинцев утверждает, что уже в период хождения в народ революционная пропаганда опиралась главным образом «на указания народных бедствий настоящего, безобразия правительства, а не на социализм. . . И чем дальше, тем больше, пока, наконец, Народная Воля не решила вопроса, и вполне определенно, в смысле борьбы с абсолютизмом». Это чрезвычайно замечательно. Если верить г. Кашинцеву, — а не верить ему мы не имеем ни самомалейшего основания, — то выходит, что деятельность партии Народной Воли имела с социализмом лишь очень мало общего. А в таком случае не удивительно и то, что самый влиятельный из ее публицистов мог сказать, что ее программа вполне совпадает с «направлением» передовой части «общества»!.

А. П. Корба, — которую редакция «*Былого*» справедливо называет видной деятельницей партии Народной Воли, — говорила в своей речи на суде (1883 г.):

[1]) Громче всего эта проповедь раздавалась в «*Свободной России*», органе г. *Вл. Бурцева*, нынешнего союзника наших «социалистов-революционеров».

«Г.г. сенаторы, вам хорошо известны основные законы российской империи: никто в России не имеет права высказываться за изменение государственного строя; никто не может даже помышлять об этом; в России запрещены даже коллективные петиции! Но страна растет и развивается; условия общественной жизни усложняются с каждым годом; наступает момент — страна задыхается в узких рамках, из которых нет выхода. . . Историческая задача партии Народной Воли заключается в том, чтобы расширить эти рамки, добыть для народа самостоятельность и свободу. А средства ее находятся в непосредственной зависимости от правительства. Партия не стоит непреоборимо упорно за террор; рука, поднятая для нанесения удара, опустится немедленно, как только правительство заявит намерение изменить политические условия жизни. . . но от чего она не может отказаться, не совершив предательства, измены против народа, — это от завоевания для него свободы, а вместе с тем благосостояния. В подтверждение того, что цели партии совершенно миролюбивы, я прошу прочесть письмо к императору Александру III от Исполнительного Комитета, написанное вскоре после 1-го марта. Из него вы увидите, что партия желает реформ сверху, но реформ искренних, полных, жизненных» [1]).

Эта речь, с ее требованием жизненных, полных и искренних *реформ сверху,* выражает взгляд *очень умеренный*, но все-таки гораздо более близкий к радикальным взглядам Желябова, чем к программе *якобинского народничества,* изложенной г. Тихомировым в его статье: «*Чего нам ждать от революции?*» Не надо было быть *социалистом,* чтобы одобрить взгляд А. П. Корба.

Наконец, приведу еще отрывок из письма народовольца Якубовича, — осужденного «по процессу 21-го», — следующим образом характеризующий эволюцию руководящих идей партии Народной Воли:

«Чем мы становимся старше и более зрелыми, тем минимальнее становятся наши требования. Посмотрите на то, что требовала «Партия Народной Воли» в самом начале своего существования, к чему она стремилась? Еще в 8 и 9 №№ своего органа она заявляла, что цель ее — захват власти. И что же? В настоящее

[1]) См. «*Былое*», № 3, стр. 172 - 173.

время иного народовольца такая задача заставляет улыбаться. Наша формула стала иная: призыв народа с высоты трона, поколебленного ударами революционеров. Мы не можем с полною уверенностью нарисовать последствий такого призыва и представить себе эти последствия во всех их подробностях. Мы не берем на себя пророчеств. Но я верю..... что русский народ — великий народ, что момент созыва Земского Собора будет великий момент и не пройдет бесследно в русской жизни и истории; страстный энтузиазм, который охватит народ и общество, превоначально на почве чисто политической, неизбежно повлечет за собой также и всю долю необходимых и осуществимых реформ экономических. Эта наша вера» и т. д. [1]).

Эти строки были написаны г. Якубовичем очень немного времени спустя после того, как появилась уже несколько раз цитированная мною статья г. Тихомирова «*Чего нам ждать от революции?*» И в этих строках весь социализм ограничивается «верой» в величие русского народа и момента созыва Земского Собора. Не беря на себя никаких пророчеств, я с уверенностью говорю, однако, что эту «веру» не откажутся разделить *самые умеренные русские либералы*.

Теперь многие стремятся реставрировать народовольческие взгляды, и в некоторых органах нашей революционной печати не редко выражается теперь радость по поводу поворота в сторону идей партии Народной Воли, замечаемого в некоторой части нашей интеллигенции. Очень жаль, что публицисты, радующиеся такому повороту, не определяют точнее, к *каким именно* народовольческим идеям поворачиваем мы теперь: *к идеям Желябова, или г. Тихомирова — автора статьи: «Чего нам ждать от революции?», или г. Тихомирова — автора цитированного мной внутреннего обозрения 3-ей книжки «Вестника Народной Воли», или г. Кашинцева или г. Якубовича?* Ведь всякий видит, что нельзя «поворотить» ко всем этим идеям одновременно, так как слишком уже велико различие между ними.

Товарищ Невзоров говорит, заканчивая свою брошюру: «Народовольцы выставили положение, что политическая свобода (помимо того, что она есть благо сама по себе) необходима именно

[1]) См. брошюру «*Процесс 21-го*», Женева, 1888 г., стр. 21 - 23.

для развития социалистической деятельности, что широкая пропаганда социалистических идей невозможна при абсолютном режиме, и что поэтому борьба с самодержавием и низвержение его составляют главную, первую задачу русских социалистов-революционеров» [1]). Это и так, и не так. *Некоторые* народовольцы, — скажу: народовольцы *желябовского толка,* — действительно выставляли это положение. Но за то другие, — назовем их народовольцами *тихомировского согласия,* — выставляли то положение, что если падение самодержавия не послужит сигналом для «социалистической огранизации России», то от него выиграет одна только буржуазия. И при этом и те, и другие одинаково плохо понимали отношение *социализма к политике* [2]). Вот почему наследство, доставшееся от них нам, *социал-демократам,* было в теоретическом отношении и с этой стороны крайне бедно. Вот почему первой русской социал-демократической группе, — группе «Освобождение Труда»—пришлось в первом же своем издании рассматривать именно неразрешенный предшествовавшими направлениями вопрос *об отношении социализма к политике* [3]). В брошюре товарища Невзорова дело изображается так, как будто социально-политическое миросозерцание социал-демократов было сшито из искусно подобранных клочков разных других миросозерцаний, существовавших в предшествовавшие периоды. Пусть извинит меня товарищ Невзоров, но когда я прочитал его брошюру, русская социал-демократия на минуту явилась мне в образе гоголевской невесты, мысленно приставлявшей усы одного из своих мно-

[1]) «Отказываемся ли мы от наследства?», стр. 73 - 74.

[2]) Дж. Кеннан, описав свой разговор с одним из политических ссыльных в Сибири, замечает: «Заклеймить такого человека кличкой «нигилист» было глупо, а сослать его, как опасного члена общества, в Сибирь— низко и бесчестно. На всем земном шаре человек таких убеждений слыл бы за умеренного либерала» («Сибирь», Берлин, 1891 г., стр. 124). А ведь этот ссыльный уж наверное принадлежал к той части нашего «общества», направление которого совпадало, по словам г. Тихомирова, с направлением партии Народной Воли! Пока наши революционеры не умели совершить теоретическое примирение социализма с политикой, до тех пор они по необходимости выступали попеременно, то как *социалисты-утописты*, то как *«либералы»*.

[3]) См. мою брошюру: «*Социализм и политическая борьба*», Женева. 1883 г.

гочисленных женихов к носу другого. Но в действительности она такой невестой *никогда, решительно никогда не была.* Мы не сшивали своих взглядов из кусочков чужих теорий, а последовательно вывели их из *своего революционного опыта,* освещенного ярким светом учения Маркса. Не понимаю, как не заметил товарищ Невзоров, что решение политического вопроса, предложенное группой «Освобождения Труда», *существенно* отличалось от всех многоразличных решений, дававшихся народовольцами разных оттенков. При том же надо помнить, что решение этого вопроса, принимавшееся большинством народовольцев, — т.-е. решение народническо-якобинское, — было предложено гораздо раньше *П. Н. Ткачевым* и вообще группой «Набата». Следовательно, если уже признавать, что это решение носило в себе зародыш решения социал-демократического, — чего на самом деле не могло быть, — то с благодарностью за это мы должны обращаться именно к группе *«Набата»,* а не к народовольцам.

Автор брошюры «*Эволюция русской социалистической мысли*» обнаруживает полное непонимание истории этой мысли, утверждая, что «полемика между марксистами и хотя бы народовольцами была основана в значительной степени на недоразумении» [1]). Вовсе нет! С самого своего возникновения и включительно до наших дней эта полемика основана была не на недоразумении, а на серьезнейших принципиальных разногласиях. Эти разногласия были так велики, что между народовольцами и последовательными социал-демократами могло быть *соглашение* или, если хотите, *сближение по некоторым отдельным практическим вопросам,* но *объединение* было немыслимо, вследствие коренной разницы во взглядах. А полемика обусловливалась именно этой разницей. Возьмем хоть тот вопрос, на примере которого поясняет свою мысль автор названной мною брошюры.

«Вспомним, — говорит этот автор, — как наиболее выдающийся выразитель русского марксизма формулировал разницу социал-демократической и народовольческой точек зрения на отношение интеллигенции к пролетариату: по мнению, мол, народовольца рабочий существует для революции, а не революция для рабочего; по мнению социал-демократа, наоборот, революция

[1]) Стр. 4.

существует для рабочего, а не рабочий для революции. Отсюда делается тот вывод, что в то время, как Народная Воля смотрит-де на пролетариат лишь сверху вниз и извне, как на силу, могущую содействовать желательному для интеллигенции перевороту, социал-демократия видит, наоборот, в пролетариате единственно самодовлеющий социальный класс, который может и должен совершить переворот исключительно в своих интересах, совпадающих, впрочем, и с интересами всего человечества. Спрашивается теперь, насколько современная социал-демократия в состоянии удовлетвориться без оговорок лапидарной фразой «не рабочий для революции, а революция для рабочих» [1]).

Прежде, чем ответить на то, что «спрашивается» нашим автором, я замечу, что приводимая им «лапидарная фраза» при всей своей «лапидарности» *никогда* не выдавалась русскими социал-демократами за формулу, выражавшую их разногласие с народовольцами по вопросу об отношении интеллигенции к рабочим. Это было бы просто-напросто *смешно.* Эта мнимая «формула» явилась так. Споря с г. Тихомировым, я коснулся замечания его о том, что вот, мол, и народовольцы тоже признавали, что *рабочие важны для революции.* На это замечание я возразил, что по нашему, наоборот, революция важна для рабочих. Этим я хотел сказать,—и подробно сказал в сочинении, посвященном этому самому спору, — что мы стоим на точке зрения *пролетариата,* которая остается чуждой и непонятной народовольцам. Но я не ограничился этим возражением, — которого я не думал выдавать ни за какую «формулу» — и развил свой взгляд очень подробно. Мне жаль, что разбираемый мною автор обратил внимание лишь на «формулу», которая, — повторяю, — в действительности совсем даже и не формула, хотя она не только «фраза».

Какова была точка зрения Народной Воли? Мне скажут — *социалистическая.* Я допускаю это, хотя выписки, приведенные мною выше из речей и статей народовольцев, показывают, что допускать это у меня *нет достаточного основания.* Но дело не в «этикетке»! Во-первых, известно, что социализм бывает разный: пролетарский, мелкобуржуазный, буржуазный, феодальный и т. д. [2]). Во-вторых, при суждении о всякой данной партии необ-

[1]) Там же, стр. 4-5.

[2]) Об этом см. в «*Манифесте Коммун. Партии*».

ходимо принимать в соображение не только те программные «фразы», которые она признает своими, но также и тот общественный слой, *на который она главным образом опирается.* Самая безупречная «фраза» получает неподходящее *содержание,* когда ее *осуществление* навязывается такому общественному *классу* или слою, который осуществить ее *не может по объективным условиям своей жизни.* «Спрашивается» поэтому, на какой же общественный *слой* или *класс* опиралась партия Народной Воли?

Мы уже знаем, как *народоволец* Е. А. Серебряков описывает в своей брошюрке условия социалистической деятельности в России накануне возникновения партии Народной Воли: условия эти были, по его словам, так *неблагоприятны,* что «деревенщики» оказались вынужденными *бежать в города.* Это описание, не соответствующее действительности, вполне соответствует, однако, тому, что думали и говорили в кружках «*политиков*», впоследствии — *народовольцев.* Эти кружки объявляли деятельность в крестьянстве совершенно невозможной при нынешних политических условиях. И это мнение стало официальным мнением партии Народной Воли. Его защищал орган этой партии, и его же мы находим, довольно долгое время спустя, в «*Календаре Народной Воли*». Ясно, стало быть, что народовольцы *не рассчитывали на крестьян,* как на такой класс, который выступит носителем их революционной идеи [1]). *А рабочие?* О рабочих вот что говорит главный публицист партии: «Рабочий, способный к классовой диктатуре, почти не существует. Стало быть, политической власти ему не доставишь» [2]). Очень хорошо. Но в таком случае, кому же могли, по мнению народовольческого публициста, доставить политическую власть наши революционеры? Очевидно, той передовой части общества, направление которой совпадало, как мы слышали от того же публициста, с направлением партии Народной Воли. «Спрашивается», могла ли бы эта часть общества сколько нибудь серьезно взяться за «социалистическую организацию России»? Теперь уже всякий смышленый школьник скажет, что — *нет,* и точно так же всякий смышленый школьник понимает теперь,

[1]) Это недавно подтвердила и редакция «*Вестника Русской Революции*» в своей программной статье.

[2]) Л. Тихомиров. «*Чего нам ждать от революции?*», «В. Н. В.», кн. 2, стр. 237.

что эта часть общества ни за что не пошла бы дальше некоторых мелко-буржуазных «социальных» реформ. А если это так, то ясно, что смертный грех партии Народной Воли заключается не в том, что она ошибалась в построении той или другой «лапидарной фразы», а в том, что вся совокупность ее теоретических взглядов и ее практических задач делала из нее *невольную,*—говорю, невольную и прошу заметить это — *служительницу трудового слоя нашей мелкой буржуазии.* А совокупность взглядов и задач социал-демократов делала их *сознательными служителями рабочего класса.* Вот где — глубочайшая разница. Она много важнее всех возможных различий в «формулах» и «фразах» — лапидарных и других.

Но партия Народной Воли рассчитывала, что когда она повалит царизм, ей удастся возбудить самодеятельность *крестьянства,* которое и примется тогда, — думала она, — осуществлять свои старые общинные идеалы. Положим, что ей удалось бы добиться обеих этих целей. К чему привело бы осуществление указанных «идеалов»? Тот, кто понимает, что такое социализм, без колебаний ответит, что оно привело бы *не к социализму, а лишь к ускорению темпа того экономического движения, которое уже надломило старые «устои» нашей народной жизни и вызвало очень значительное неравенство в самой крестьянской среде.* И с этим давно уже соглашались те из теоретиков «передовой части нашего общества», которые не наобум толковали о народе и об его «идеалах». Не подлежит никакому сомнению, — говорил А. Н. Энгельгард, — что, будь крестьяне наделены землей в достаточном количестве, производительность громадно увеличится, государство станет очень богато. Но скажу все-таки, что если крестьяне не перейдут к артельному хозяйству и будут хозяйничать каждый двор в одиночку, то и при обилии земли между земледельцами-крестьянами будут и безземельные и батраки. Скажу более, полагаю, что разница в состояниях крестьян будет еще значительнее, чем теперь. Несмотря на общинное владение землей, рядом с «богачами» будет много обезземеленных фактически батраков [1]). Я прибавлю, что само «артельное производство было бы *переходом не к социализму, а к капитализму.* Но распространяться об этом здесь нет надобности, так как на развитие этого производства

[1]) Из деревни, стр. 423.

тогда нельзя было рассчитывать за полнейшим отсутствием необходимых для него предпосылок. Таким образом низвержение абсолютизма и осуществление «общинных идеалов» крестьянства, — т.-е. полное торжество народовольства тихомировского согласия,—дали бы лишь новый толчек развитию того самого капитализма, с которым народовольцы названного согласия собирались бороться. На деле борьба их с капитализмом была бы не *пролетарской,* а *мелко-буржуазной борьбою,* и их партия ни в каком случае не вышла бы из пределов *мелко-буржуазного социализма,* к которому ее предрасполагало, как мы уже видели, еще и то обстоятельство, что она состояла главным образом из представителей образованного слоя мелкой буржуазии [1]).

С своей стороны, социал-демократы говорили, что *социалистическая* революция может быть совершена только силами *пролетариата* и что объективной опорой нового порядка должны быть не обветшавшие и расшатанные экономические «устои» народной жизни, а *те новые экономические отношения, которые создаются развитием капитализма*. Взгляды социал-демократов были *прямо-противоположны* взглядам народовольцев, и их противоположности не охватит никакая лапидарная формула, кроме формулы: *одни представляли пролетариат, другие — мелкую буржуазию*. Но раз признана неоспоримая правильность этой «лапидарной формулы», то *основанным на недоразумении* оказывается не спор социал-демократов с народовольцами, а рассуждения автора брошюры о споре товарища Ленина с товарищами так называемого у нас *экономического* направления. Этот автор ровно ничего не понял в том, о чем они спорили.

Предмет их спора не касался вопроса о том, может или не может интеллигенция совершить переворот собственными силами: обе стороны безусловно соглашались между собою в том, что — *не*

[1]) Не могу не остановиться здесь на следующем курьезе. Библиограф № 3-го «*Былого*» (стр. 206) делает нѣсколько выписок из брошюры-циркуляра «*Об издании русской социально-революционной библиотеки*», так как эти выписки показывают, по его мнению, «как широко и тогда смотрели народовольцы (sic!) на пропаганду среди народа (крестьян и рабочих) и на роль народных масс в предстоящей борьбе за социализм».. Но дело в том, что эта брошюра-циркуляр *написана мною,* а не кем-нибудь из народовольцев. Таким образом и комплименты библиографа на счет широты относятся ко мне. Я очень благодарен г. библиографу.

может. Обе спорящие стороны одинаково хорошо понимали, что своими собственными силами интеллигенция никакой общественной задачи вершить не в состоянии, и что ее возможное историческое значение всецело определяется тем, в какой мере она будет содействовать развитию классового самосознания рабочих. Разногласие начиналось лишь там, где заходила речь *о путях и способах такого содействия*. «Экономисты» плохо выяснили себе *роль «революционной бациллы»* в процессе массового движения пролетариата [1]). Их противникам эта роль представлялась с гораздо большей ясностью. Полемика между этими двумя направлениями социал-демократической мысли была неизбежна и плодотворна. Но даже в самый сильный разгар этой полемики ни одна из сторон не помышляла *о возврате на старую точку зрения партии Народной Воли,* так решительно осужденную предыдущей историей нашего движения. Товарищ Ленин во всяком случае стоит дальше от этой точки зрения, чем кто бы то ни было. Ведь автор брошюры находит, что Ленин преувеличивает значение сознания в революционном процессе. Какой же смысл может иметь этот упрек в применении к Ленину, как к социал-демократу? О *чьем сознании, о сознании какого класса* может говорить здесь Ленин, в качестве члена *социал-демократической* партии? О сознании пролетариата и *только* об этом сознании. Чем большее значение придает этот товарищ *сознательности, тем более* усиленного *воздействия на умы рабочих требует он от нашей партии* и тем резче расходится он с народовольцами, которые, — как нам уже известно, — говорили устами г. Тихомирова, что *рабочий, способный к классовой диктатуре, у нас почти не существует, и что, стало быть, политической власти ему не доставить* [2]). Автор брошюры и сам чувствует, что

[1]) Говоря это, я имею в виду собственно *теоретиков* «экономизма», которые договаривались до выводов, совершенно несогласимых ни с основными положениями марксовой исторической теории, ни с общепризнанными задачами международной социал-демократии. Но «экономисты», занимавшиеся *практическим делом*, нередко играли ту самую роль «революционной бациллы», которая осуждалась теоретиками, и потому имели благотворное влияние на рост рабочего движения. Я думаю, что уже пора отдать им эту справедливость.

[2]) Приведу здесь выписку из брошюры одного *народовольца*, очень не двусмысленно отвечающую на вопрос о роли масс в революции. Споря с Драгомановым, который высказал ту мысль, что *открытое нападение*

тов. Ленин ушел от народовольцев гораздо дальше, чем даже «экономисты». Потому-то он и находит, что «общая точка зрения» экономистов более правильна, чем точка зрения тов. Ленина. А когда он прибавляет далее, что экономисты делают из своих более правильных «основных посылок половинчатые, а потому и неверные практические выводы», то это лишь значит, что, по его мнению, взгляд экономистов все-таки может при известных условиях быть соглашен с «народовольством», а взгляд тов. Ленина — *никогда*. С какой же стати он вздумал приводить брошюру этого последнего в доказательство той странной мысли, что споры марксистов с народовольцами основывались на «недоразумении?» Хорошо недоразумение!

Вообще в высшей степени странно рассматривать спор сторонников «Зари» и «Искры» с «экономистами» как признак, указывающий на приближение части русских социал-демократов к народовольческому взгляду на политическую борьбу. Мы уже знаем, что в самой народовольческой среде *существовало много очень различных,* — и прямо таки несогласимых между собою, — взглядов на отношение «*политики*» к социализму. Знаем также, что при всем разнообразии этих взглядов им свойственна была одна общая отрицательная черта: *ни один из них не устранял бакунинского противоположения социализма* политике, унаследованного от западно-европейских утопистов. Но именно в виду этой общей им всем отрицательной черты и немыслимо надеяться на то, что социал-демократы могут, оставаясь *социал-демократами,* — усвоить себе одну из разновидностей *народовольческого* решения политического вопроса. Совершенно наоборот! Чем луч-

на правительство было бы желательнее «*террористических*» действий, этот народоволец говорит: «Что Вы хотите сказать своим «открытым нападением?» Если здесь нужно видеть массовую революцию, то считаете ли Вы возможным и резонным (sic) поднять русских простолюдинов на борьбу из-за политической свободы — при их исторической оторванности от интеллигенции, при их жизни впроголодь и тяжелой борьбе из-за куска хлеба? Очень они проникнутся необходимостью такой штуки, как политическая свобода! — Но тогда неужели трудно понять, что все ваши «гражданские и военные люди», все «народы» сводятся в сущности к интеллигенции? Она, эта интеллигенция, обязана — да «обязана» —вынести на своих плечах политическую свободу в России, пользуясь террором, как средством». (Тарновский, «*Терроризм и Рутина*»).

ше будет сознавать наша социал-деомкратия свою историческую роль и свою ближайшую практическую задачу, тем дальше будет уходить она от политических взглядов как народовольцев, так и всех вообще наших революционеров семидесятых годов. И смешно было бы высказывать какие-нибудь сантиментальные сожаления на этот счет. Социальная революция девятнадцатого столетия должна смотреть не назад, а вперед, сказал Маркс в своей книге: «*Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта*». Неужели мы теперь, в двадцатом веке, станем думать иначе?

Очень грешат против исторической истины те летописцы нашего движения, — к их числу принадлежит и автор разбираемой брошюры, — которые, отмечая полемику «*Зари*» и «*Искры*» с «экономистами», восклицают: наконец-то русские социал-демократы заговорили о политической борьбе. В действительности, наша социал-демократическая литература говорит об этой борьбе с самого своего возникновения: в доказательство опять сошлюсь на *первую* русскую социал-демократическую брошюру «*Социализм и политическая борьба*». Правда, теперь вошло в моду говорить, что брошюры, подобные только что названной, писались *эмигрантами,* и что, поэтому, высказанные в них взгляды нельзя признавать взглядами *действовавших* в России социал-демократов. Поэтому я сошлюсь еще на издание, выходившее в России. Во втором № «*Рабочего*», — *газеты партии русских социал-демократов*», *выходившей в Петербурге в 1885 г.* — один из сотрудников говорил, обращаясь к русским рабочим: «вы должны бороться: во-первых, ради своего освобождения от гнета хозяев, от *экономической эксплоатации,* а во-вторых, ради приобретения тех прав, которые положат конец полицейскому произволу и сделают из вас, — пока еще бесправных обывателей, — свободных граждан свободной страны. Другими словами, вы должны бороться *во имя политической свободы* (курсив в подлиннике). И не думайте, что эти две задачи могут быть отделены одна от другой; что они могут быть решены порознь и независимо друг от друга. — Каждый из вас одновременно является и эксплоатируемым рабочим, и бесправным обывателем. Поэтому, и все вы в совокупности, весь русский рабочий класс, должны одновременно преследовать как политическую, так и экономическую цель. Он должен одновременно стремиться низвергнуть как тех, которые являются его гос-

подами на фабрике, так и тех, которые полновластно распоряжаются теперь в русском государстве».

Эта последняя фраза, будучи взята отдельно, может пожалуй навести на ту мысль, что цитируемый мною сотрудник советовал рабочим стремиться к тому, чтобы момент *падения абсолютизма* совпал у нас с моментом *социалистической революции*. Но это было бы совершенно неосновательное предположение. Далее в статье прямо говорится, что политическая борьба поведет к завоеванию *политической свободы*, которая в свою очередь облегчит рабочему классу дело организации его сил для *социальной революции*. Словом, и с этой стороны взгляд, высказываемый в статье, вполне совпадает как со взглядом, изложенным в брошюре: «Социализм и политическая борьба», так и с нынешним взглядом «*Зари*» и «*Искры*». Если читатель вспомнит, что эта статья была напечатана в социал-демократическом органе, выходившем не заграницей, а именно в России, то он согласится, что мысль о политической борьбе не так нова действующим на родине русским социал-демократам, как это кажется некоторым пристрастным летописцам нашего движения. Цитируемая мною статья — «*Современные задачи русских рабочих*», письмо к петербургским рабочим кружкам, — подписана, правда, Г. Плехановым, т.-е. принадлежит человеку, бывшему тогда уже *эмигрантом*. Но если этот эмигрант писал в газету, выходившую в России, и если эта газета печатала его статьи, то значит, его действовавшие на родине товарищи были согласны с его политическими взглядами и, следовательно, были чужды «*экономизма*», а это и требовалось доказать.

«*Экономизм*» явился лишь впоследствии. Он был вызван стремлением поскорее приобрести широкое влияние на массу. Это стремление не сопровождалось, к сожалению, верным пониманием роли революционного меньшинства в деле выработки классового самосознания пролетариата. Но безусловная необходимость выработки этого самосознания, — т.-е. именно *классового* самосознания рабочих, — вполне признавалась экономистами. И это ставит их бесконечно выше всех тех, будто бы социалистических, героев революционной фразы, которым хотелось бы теперь перевести наше движение на *внеклассовую точку*.

Чтобы говорить об «эволюции социалистической мысли в России», надо знать факты, относящиеся к ее истории лучше, чем

знает их наш автор, а кроме того надо перестать смотреть на новейший *социал-демократический* период этой эволюции сквозь очки народовольства: народовольство отжило свое время.

Да, время народовольства прошло! Но еще Герцен справедливо заметил, что «идеи, пережившие свое время, могут долго ходить с клюкой» и даже могут «как Христос, еще раз-два показаться своим адептам»; идея народовольства показывается теперь и ходит с клюкой на столбцах «*Революционной России*». Она принимает там пока вид народовольства *тихомировского согласия* [1]). Кто пожелает узнать, откуда черпает свою мудрость автор — единоличный или коллективный — печатающихся в этом органе статей *о программных вопросах*, тому я рекомендую прочитать статью Тихомирова «*Чего нам ждать от революции?* [2]). Эта статья убедит его в том, что гг. «социалисты-революционеры», восставая против марксистской «догмы», умеют лишь *рабски повторять* «*догму*» *народовольцев*. В статье г. Тихомирова читатель найдет и рассуждения о нашем «крестьянско-рабочем классе» [3]), которые разогреваются теперь «*Революционной Россией*» под видом той мысли, что крестьянство принадлежит к одному классу с пролетариатом; он встретит там и чрезвычайно поучительные размышления о том, какие задачи предстоит взять на себя нашему будущему «правительству социалистов-революционеров» [4]). Он увидит там те же ссылки на сознание «народом» своего права на землю [5]) и те же утопические надежды на «*ассоциации*» [6]). Наконец, его поразит там то же самое отсутствие всякой попытки серьезно анализировать экономические отношения России, которое мы привыкли встречать в программных статьях органа «социалистов-революционеров». И тогда он убедится, что единственный вывод, делаемый «социалистами-революционерами» из истории нашей социалистической мысли, состоит в том, *что эта мысль должна вернуться назад, к тому, что уже было и быльем поросло,*

[1]) Говорю *пока*, потому что не хочу поручиться за будущее.

[2]) Напоминаю, что она напечатана во второй книжке «Вестника Народной Воли», вышедшей в Женеве в 1884 году. Ответом на эту статью явилась моя книга «*Наши разногласия*».

[3]) «Вестн. Нар. Воли», кн. 2, стр. 247.

[4]) Там же, стр. 255.

[5]) Там же, стр. 251.

[6]) Там же, стр. 258.

т.-е., другими словами, что в идейном отношении люди этого направления являются настоящими *реакционерами,* вследствие чего кличка *социалистов-реакционеров* подходит к ним гораздо больше, чем та, которую они себе почему-то присвоили.

В одном из приложений к книге Туна печатается русский оригинал моей статьи «*О социальной демократии в России*», написанной в 1893 г. для польского издания книги Туна. В этой статье я высказывал твердую уверенность в том, что возврат нашей революционной мысли на ее старые теоретические позиции стал уже совсем невозможным. Наши социалисты-реакционеры, повидимому, показывают своим примером, что я ошибся: их орган именно старается воскресить наши старые революционные теории, подпирая их клюкой фальшивых ссылок на разные западно-европейские авторитеты. Признаюсь откровенно, я не ожидал, что часть нашей революционной читающей публики согласится когда-нибудь довольствоваться этими разогретыми духовными яствами. Но моя ошибка на самом деле не так велика, как может показаться с первого взгляда. «Разогретые блюда «*Революционной России*» охотно потребляются только тою частью нашей читающей публики, которая, по той или другой причине, не умеет или не хочет стать на *классовую точку зрения.* А это — часть *отсталая.* И именно это обстоятельство наглядно показывает, что *действительно революционные и действительно социалистические элементы нашего движения навсегда переросли детский костюмчик нашего «социализма» времен партии Народной Воли.*

Кстати о моей статье, печатаемой в приложении и написанной еще в 1893 году. Там мне пришлось высказать несколько таких мыслей, — напр., мысль о том, что *пропаганда* должна быть неразрывно связана с *агитацией,* о том, что мы, социал-демократы, не имеем никакого права забывать о крестьянах, о необходимости строгой организации революционных сил и т. п., — которые впоследствии подносились мне и моим ближайшим товарищам, и не только социалистами-реакционерами, но, к сожалению, также и некоторыми социал-демократами, — как нечто для нас совершенно новое и нам неизвестное. Так пишут историю.

Наконец, мы перевели некоторые примечания П. Л. Лаврова к польскому изданию книги Туна. Мы нашли нужным сделать это потому, что иные из них содержат в себе заслуживающие внимания фактические поправки, а остальные, — именно те, в которых говорится об истории программы «*Вперед*», — служат ответом Туну, изложившему эту историю не без значительной примеси иронии. Нас не удовлетворяет этот ответ П. Л. Лаврова. Но мы все таки сочли себя обязанными довести его до сведения наших читателей. Audiatur et altera pars!

Мое предисловие уже приняло очень большие размеры, а между тем я не сказал еще очень многого из того, что следовало бы сказать по поводу истории нашего движения. Это показывает между прочим, что книга немецкого профессора оставляет неразрешенными не мало спорных вопросов этого движения. Русский товарищ, о котором Тун говорит в своем предисловии, помог ему, по его собственным словам, понять внутреннюю связь событий. Но этот товарищ не мог написать за него же предпринятую им историю. Да и сам он переживал тогда переходный момент своего революционного развития, мешавший ему с полной ясностью определять значение революционных событий в нашем отечестве.

Март 1903 года.

Г. Плеханов.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стран.

Предисловие автора 3

Лев Дейч. Мое знакомство с профессором Альфонсом Туном . 6

Г. Плеханов. Предисловие к русскому изданию 20

I. Взгляд на революционное движение до 1863 года 68

II. Затишье в революционном движении (1863 г. — 1872 г.) . . 82

III. Литература социалистической пропаганды 93

IV. Практика и результаты пропаганды (1872 — 1875) 104

V. Революционная агитация (1875 — 1877) 126

VI. Переход к террору (1878 и 1879) 148

VII. Террор (с 1879 года) 173

VIII. Партия черного передела 194

IX. Биографии и внутренняя организация 208

Приложение I. *Г. Плеханов.* О социальной демократии в России . 243

Приложение II. Некоторые примечания П. Л. Лаврова к польскому изданию А. Туна 270

Гос. Публичная